

Вопросы философии и психологии

Книга 127.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 127. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 256 с.

ISBN 978-5-458-04775-3

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04775-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Міръ, какъ органическое цѣлое.

ГЛАВА III.

Бытіе реальное и бытіе идеальное.

Кто хочетъ понять философскую систему, осуществляющую органическое міропониманіе, тому нужно прежде всего, конечно, выработать понятіе органическаго цѣлаго, т.-е. цѣлаго, которое не сложено внѣшнимъ образомъ изъ своихъ элементовъ. Однако этого мало. Такое общее понятіе можетъ остаться мертвымъ въ нашемъ умѣ. Чтобы придать ему жизненность и усмотрѣть его всеобщую примѣнимость, нужно научиться видѣть его осуществленіе въ каждомъ конкретномъ случаѣ съ такою же ясностью, съ какою мы знаемъ, напр., что правило „ $4 \times 7 = 28$ “ осуществляется въ сужденіи „четыре недѣли содержатъ въ себѣ 28 дней“. Достигнуть этой интимной близости можно только съ помощью упражненія на многихъ примѣрахъ. Въ предыдущихъ главахъ были приведены въ видѣ примѣровъ явленія равновѣсія жидкостей и т. п.; можно сослаться также на такія цѣлыя, какъ организмъ животного, государство и т. п. Однако эти примѣры не достаточно наглядны. Въ видѣ образца нужно избрать что-либо очень близкое намъ и притомъ безспорно понимаемое только въ духѣ органическаго ученія. Таковъ, напр., музыкальный тонъ. Воспринимая тонъ, можно различить въ немъ, напр., качество и интенсивность его. Никому однако не придетъ въ голову, что это качество и эта интенсивность раньше существовали сами по себѣ, отдѣльно и независимо другъ отъ

друга, а потомъ встрѣтились и образовали болѣе сложное цѣлое, именно музыкальный тонъ. Непосредственно очевидно, что здѣсь нѣчто прямо противоположное: изначала существуетъ цѣлое, тонъ, который можетъ быть подвергнутъ анализу, въ которомъ можно различить *стороны* его, но котораго *нельзя сложить изъ предсуществующихъ частей*. Сторонникъ органическаго міровоззрѣнія *представляетъ себѣ весь міръ по этому образцу*: всякій элементъ міра, будетъ ли то атомъ, или душа, или какое-либо событіе, напр., движеніе, онъ рассматриваетъ какъ *сторону* міра, которая можетъ быть усмотрѣна въ немъ путемъ анализа его, которая существуетъ не сама по себѣ, а только на основѣ мірового цѣлаго, только въ системѣ міра. При этомъ всѣ обыденныя представленія о мірѣ, пропитанныя привычками атомистическаго механистическаго міровоззрѣнія переворачиваются, все начинаетъ представляться въ новомъ свѣтѣ и многія стороны міра превращаются изъ загадочныхъ въ наглядно очевидныя, не требующія никакихъ особыхъ разъясненій.

Однако и общая *картина* міра въ духѣ органическаго міропониманія точно такъ же, какъ *отвлеченная идея* органическаго цѣлаго, не дають еще полнаго пониманія особенностей его. Для совершенной разработки этого ученія необходимо подвергнуть міровое цѣлое болѣе подробному анализу, чтобы выдѣлить тѣ особые виды бытія, тѣ своеобразныя начала, благодаря которымъ міровая множественность, во-первыхъ, имѣетъ характеръ *системы* и, во-вторыхъ, сохраняетъ даже сторону *цѣльности*.

Прежде всего познакомимся съ условіями системности міра. Безъ сомнѣнія, система возможна лишь тамъ, гдѣ есть *отношенія* между элементами. И въ самомъ дѣлѣ, всякая часть міровой множественности связана *безчисленными отношеніями* то со всѣми, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ остальныхъ элементовъ міра. Такъ, всякая сторона міра стоитъ въ отношеніяхъ сходства и различія ко всѣмъ остальнымъ сторонамъ міра. Далѣе, всѣ стороны

міра, къ которымъ приложимо понятіе величины, содержатъ въ себѣ безчисленные количественныя отношенія. Прибавимъ сюда отношенія во времени, въ пространствѣ, вспомнимъ объ отношеніяхъ принадлежности, причинности, взаимодѣйствія, средства и цѣли и т. п., и намъ станетъ ясно, что сѣтъ отношеній есть нѣчто всепроникающее и всеупытывающее.

Однако, задумываясь надъ природою отношеній, мы тотчасъ же натываемся вслѣдствіе своеобразія ихъ на громадныя затрудненія. Отношенія возможны тамъ, гдѣ есть члены отношенія. Но какъ само отношеніе относится къ этимъ членамъ? Разсмотримъ конкретный случай. Положимъ, какое-либо *A* (черный квадратъ шахматной доски) и *B* (бѣлый квадратъ) суть члены отношенія пространственной внѣположности. Это отношеніе не можетъ, конечно, существовать само по себѣ, *безъ* членовъ отношенія. Оно не можетъ также существовать *въ одномъ* изъ членовъ отношенія; нельзя также себѣ представить его *между* членами отношенія, т.-е. такъ, чтобы существовали *A* и *B*, соединенныя отношеніемъ, какъ какою-то ниточкою. Наконецъ, невозможно, чтобы *вслѣдъ* за существованіемъ *A* и *B* къ нимъ прибавилось отношеніе внѣположности. Остается только представлять *A*, *B* и отношеніе ихъ другъ къ другу, какъ одно цѣлое, въ которомъ каждая сторона существуетъ вмѣстѣ съ остальными на основѣ цѣлаго.

Какъ возможна такая цѣлость, объединенность многого, охватываніе его сразу въ единство?

Чувствуется, что такое единство не можетъ существовать само по себѣ, что оно обуславливается какимъ-то болѣе высокимъ началомъ, и на вопросъ, что это за начало, чаще всего даютъ слѣдующіе отвѣты: это—сознаніе, познающій умъ, соотносящее мышленіе и т. п. Въ этомъ отвѣтѣ есть доля истины, но она окутана въ немъ такою толщею заблужденій, что совершенно утопаетъ въ нихъ. Подвергнемъ его анализу, съ цѣлью отдѣлить ложь отъ истины. Въ виду многочисленности этихъ теорій прежде

всего подраздѣлимъ ихъ на два класса: 1) теоріи, субъективирующія отношенія, и 2) теоріи, не субъективирующія отношеній.

Разсмотримъ прежде всего теоріи перваго типа. Всѣ онѣ предполагаютъ, что отношенія суть продуктъ *психической* дѣятельности субъекта сознанія, но осуществляютъ онѣ это ученіе весьма различными способами: согласно однѣмъ теоріямъ, отношенія суть психическія явленія, однородныя съ какимъ-нибудь другимъ классомъ психическихъ явленій, напр., съ явленіями чувства; наоборотъ, согласно другимъ теоріямъ, отношенія суть психическое *sui generis*, не сводимое на другія психическія явленія, — нечувственное, умозрительное проявленіе разсудка, мышленія и т. п. Первые теоріи можно съ полнымъ правомъ назвать *нигилистическими*, до такой степени онѣ не замѣчаютъ подлинныхъ отношеній и подмѣняютъ ихъ чѣмъ-то совершенно инороднымъ. Вторыя теоріи назовемъ *интеллектуалистическими*. Примѣромъ первыхъ можетъ служить ученіе Милля о сходствѣ и послѣдовательности. „Сходство“, говоритъ Милль, „есть не что иное, какъ чувство сходства; послѣдовательность есть простое наше чувство послѣдовательности“ ¹⁾. Доля правды есть даже и въ этой теоріи. Мысля и наблюдая отношенія, мы нерѣдко переживаемъ то мимолетныя, едва уловимыя, то явственно сформированныя чувства, напр., чувство напряженія при наблюденіи рѣзкихъ различій, чувство легкости перехода отъ A_1 къ A_2 , которыя сходны другъ съ другомъ и т. п. Нечего и говорить однако, что эти чувства не суть отношенія: ихъ связь съ отношеніями сводится лишь къ тому, что они возникаютъ *по поводу* отношеній, а также, какъ это правильно отмѣчено А. Брунсвигомъ, къ тому, что они „совпадаютъ съ *интенціональными* переживаніями, въ которыхъ схватывается, воспринимается само отношеніе сходства или различія одного объекта съ другимъ“ ²⁾.

¹⁾ Система логики, перев. подъ ред. В. Н. Ивановскаго, 2-е изд., кн. 1, гл. 3, § 13.

²⁾ А. Brunswig, Das Vergleichen und die Relationserkenntniss, стр. 56.

Принять самыя эти чувства за отношенія можетъ лишь тотъ, кто, будучи неспособнымъ выдѣлять изъ цѣлаго его отвлеченные моменты и разсматривать ихъ въ такомъ видѣ, склоненъ считать дѣйствительно существующимъ только конкретное цѣлое, напр., событіе. Такой философъ, анализируя конкретное цѣлое и пытаясь выдѣлить изъ него какое-либо отношеніе, тотчасъ подмѣняетъ его нѣкоторымъ новымъ конкретнымъ цѣлымъ, напр., такимъ психическимъ процессомъ, какъ чувство. Само собою разумѣется, при такомъ пониманіи отношеній системность конкретнаго цѣлаго остается непонятною, и даже еще болѣе затрудненною: вмѣсто отношенія мы теперь имѣемъ чувство, которое *прибавляется* къ предыдущимъ элементамъ цѣлаго, какъ нѣчто такое, что *само должно быть связано съ цѣлыми отношеніями* для того, чтобы образовать систему. Безвыходное положеніе такихъ теорій, заканчивающееся полнымъ нигилизмомъ, именно совершеннымъ отрицаніемъ отношеній, обрисовалъ Г. Гомперцъ въ своей книгѣ «Ученіе о міровоззрѣніи» ¹⁾, такъ обстоятельно и отчетливо, что мы не будемъ заниматься здѣсь разсмотрѣніемъ ихъ. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что самъ Гомперцъ, перейдя отъ критики къ положительному построенію, понимаетъ отношенія, какъ чувства. Но въ эти чувства онъ вкладываетъ: такія свойства, что становится непонятнымъ, почему онъ принимаетъ ихъ только за чувства. Къ тому же онъ оставляетъ въ своей книгѣ нерѣшеннымъ вопросъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ субъективными или транссубъективными содержаніями сознанія. Въ виду этого мы оставимъ его ученіе здѣсь безъ критическаго разсмотрѣнія и перейдемъ къ интеллектуалистическимъ субъективистическимъ теоріямъ.

Образцомъ ихъ можетъ служить критицизмъ Канта, взятый не въ модернизованномъ видѣ, а въ формѣ *психологическаго феноменализма*, содержащагося въ «Критикѣ чистаго разума». Согласно этому ученію, все содержаніе

¹⁾ Т. I., перев. на русск. языкъ.

знанія состоитъ изъ чувственныхъ данныхъ, изъ *ощущеній*, возникающихъ въ сознаніи чловѣка вслѣдствіе воздѣйствія (аффицированія) вещей въ себѣ на чувственность; благодаря такому своему происхожденію, эти данные сознанія сами по себѣ суть нѣчто безсвязное, безсистемное, онѣ суть *не упорядоченное многообразіе*. Ясно усматривая, что никакое знаніе невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ системы, нѣтъ связей, отношеній и т. п. и замѣчая, что наблюдаемая нами природа есть систематическое единство, Кантъ ищетъ въ сферѣ сознанія *дѣятеля*, способнаго превратить хаотическое многообразіе чувственныхъ данныхъ въ упорядоченное цѣлое природы, и находить, что такимъ дѣятелемъ можетъ быть только мышленіе, именно разсудокъ, осуществляющій категоріальные синтезы единства, множества, причинности, принадлежности и т. п. Итакъ, критицизмъ Канта признаетъ специфическій характеръ отношеній, не сводитъ ихъ къ чувствамъ или какимъ-либо другимъ психическимъ процессамъ, усматриваетъ ихъ нечувственный, умозрительный характеръ, и въ этомъ его высокое достоинство. Но въ то же время и недостатки этой теоріи громадны. Согласно Канту, отношенія суть производимыя субъектомъ *прибавки* къ чувственнымъ даннымъ: разсудокъ субъекта *строитъ* изъ чувственныхъ данныхъ систему природы въ родѣ того, какъ архитекторъ создаетъ стройное зданіе изъ хаоса строительныхъ матеріаловъ или въ родѣ того, какъ хранитель музея располагаетъ множество вещей въ систематическомъ порядкѣ, ставя однѣ изъ нихъ въ общую витрину, развѣсивая другія въ рядъ на стѣнѣ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, по Канту, матеріалы, образующіе содержаніе природы (данное многообразіе, ощущенія), не имѣютъ сами по себѣ другъ къ другу никакого тяготѣнія, они не производятъ другъ друга, не превращаются другъ въ друга, не дѣйствуютъ и не взаимодействуютъ никакъ; систематическое цѣлое получается изъ нихъ только благодаря разсудку, который пользуется ими какъ строительными матеріалами, и прикладывая одно дан-

ное къ другому различными способами (согласно категоріи причинной связи, единства, субстанции и принадлежности и т. п.), создаетъ изъ нихъ совокупность вещей и процессовъ природы. Слѣдовательно, система природы получается *не путемъ органическаго творчества*, а путемъ *упорядоченія*.

Такая система имѣетъ мертвенный характеръ, и потому не можетъ быть, чтобы она составляла *весь міръ*. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить міръ, въ которомъ все было бы мертво, въ которомъ нигдѣ не было бы органически цѣлаго, самодѣтельнаго, *изнутри развивающагося*, а не только извнѣ упорядочиваемаго бытія. Даже для самаго этого упорядоченія нуженъ разсудокъ или разумъ, какъ такой дѣятель, который самъ не состоитъ изъ хаотическаго многообразія, нуждающагося въ упорядоченіи извнѣ. Въ этомъ мірѣ подлиннаго органическаго бытія отношенія уже не могутъ имѣть характера *прибавокъ* къ элементамъ, которые сами по себѣ безотносительны. Для такого органическаго бытія Кантъ оставляетъ въ своемъ міровоззрѣніи мѣсто, поскольку онъ допускаетъ существованіе царства вещей въ себѣ. Поэтому-то природа, какъ она изображена въ „Критикѣ чистаго разума“, не отпугиваетъ насъ сразу своею мертвенностью: мы успокаиваемся мыслью, что она есть не болѣе, какъ *явленіе, надстройка* надъ міромъ подлиннаго бытія. Однако неопредѣленная ссылка на царство вещей въ себѣ не можетъ окончательно удовлетворить насъ. Отношенія упорядоченія съ необходимостью предполагаютъ отношенія органическаго бытія, у насъ есть понятіе такого бытія, мало того, есть даже конкретные образцы его, напр., въ нашей собственной творческой дѣятельности. Поэтому, когда гносеологія Канта воспрещаетъ намъ изученіе его, находя, что подобныя проблемы относятся къ области метафизики, у насъ возникаетъ сомнѣніе въ правильности теоріи Канта. Подвергая ее критическому пересмотру, нетрудно убѣдиться, что она поставила недопустимо узкія границы человѣческому знанію подъ вліяніемъ ложныхъ предпосылокъ, лежащихъ въ ея

основѣ¹⁾. Какъ только эти предпосылки отброшены, тотчасъ становится ясно, что и сама данная въ опытѣ природа только въ угоду предпосылкамъ разсматривалась, какъ мертвый продуктъ упорядоченія, между тѣмъ въ дѣйствительности она на каждомъ шагу проявляется, какъ живое, творчески дѣятельное, органическое бытіе; слѣдовательно, и системность ея обоснована въ ней самой, а не есть только субъективная прибавка человѣческаго разсудка. Однако даже и тѣ мыслители, которые склонны къ такому ученію, все-же обыкновенно не допускаютъ, чтобы отношенія были вполне транссубъективными. Такъ, напр., самое большее, на что рѣшается Т. Липпсъ это признать, что предметъ предъявляетъ „требованія“, чтобы мы мыслили его стоящимъ въ отношеніяхъ, но для выполненія этихъ требованій мы должны сами своимъ мышленіемъ *создать отношенія*.

Въ своемъ изслѣдованіи «Einheiten und Relationen» Липпсъ говоритъ: «Отношенія не суть предметныя переживанія, иными словами, они не суть качества, свойства, признаки, опредѣленія воспринятаго, представленнаго, мыслимаго, о которомъ мы говоримъ, что оно стоитъ въ отношеніяхъ, или связано отношеніями. Въ дѣйствительности, отношенія суть апперцептивные переживанія, т.-е. способы, какъ я нахожу въ своемъ апперципированіи себя отнесеннымъ къ предметамъ или, наоборотъ, предметы отнесенными ко мнѣ, а также это суть способы, какъ предметы являются отнесенными другъ къ другу въ моемъ апперципированіи и посредствомъ него»²⁾. «Мы не находимъ отношенія, какъ мостики, которые были бы проложены между предметами, такъ что намъ оставалось бы только воспринять ихъ,—они суть способы сочетанія въ единствѣ апперцепціи. Отношенія не суть скобки, присущія предметамъ

¹⁾ См. мое „Введеніе въ философію, ч. I, Введеніе въ теорію знанія“, стр. 199—214 и „Обоснованіе интуитивизма“, изд. 2, гл. 4, „Догматическія предпосылки теории знанія Канта“.

²⁾ Th. Lipps, Einheiten und Relationen, 1902, стр. 1 с.

самимъ по себѣ, они не суть руки, протягиваемыя предметами, чтобы охватывать другъ друга; они суть производимыя мною включенія въ скобку, одновременное улавливаніе и сочетаніе рукою, которую я протягиваю къ предметамъ, и въ которой я захватываю ихъ вмѣстѣ. Нѣтъ отношеній между соотносящимся безъ моего соотнесенія. Все, что соотносится другъ съ другомъ, соотнесено не иначе, какъ мною, именно моимъ апперципирующимъ я¹⁾.

Нѣкоторые случаи отношенія, напр., единство непрерывнаго, служатъ особенно яркою иллюстраціею ученія Липпса. „Утвержденіе, что непрерывность есть единство, имѣть,—говорить Липпсъ,—лишь слѣдующее значеніе: непрерывность по своей природѣ *требуетъ* отъ насъ *единства апперцепции*“. „Однако въ дѣйствительности части непрерывности сами вовсе не „соотносятся“ другъ съ другомъ. Онѣ просто наличны. Онѣ наличны тамъ, гдѣ онѣ суть, и такъ, какъ онѣ суть. При этомъ онѣ не „соотносятся“ другъ съ другомъ. Но я отношусь къ нимъ; я отношу ихъ къ себѣ и тѣмъ самымъ ставлю ихъ въ отношеніе другъ къ другу, беру ихъ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего въ непрерывность вносятся отношенія. И, наоборотъ, сознаніе соотнесенности, а также единства исчезаетъ у меня, какъ только я прекращаю охватываніе частей вмѣстѣ въ единомъ актѣ апперцепціи“²⁾.

Такія же соображенія высказываетъ Липпсъ и по поводу понятія *пограничности* частей непрерывнаго цѣлаго. „Части непрерывности не могутъ для меня быть пограничными другъ съ другомъ, если я не *отношу* границу въ единомъ актѣ апперцепціи къ одному и къ другому. Никакая граница не есть граница сама по себѣ. Всякая граница есть сама по себѣ лишь эта линія или это мѣсто. Границею она становится для меня лишь тогда, когда я мысленно отношу ее къ тому или беру ее вмѣстѣ съ тѣмъ, чего границею она служить или должна служить для меня“³⁾.

1) Тамъ же, стр. 102.

2) Тамъ же, стр. 57, 58.

3) Тамъ же, стр. 58.

Подъ всѣми этими разсужденіями Липпса кроется слѣдующее соображеніе, рѣшительно побуждающее къ субъективизированію отношеній. Въ большинствѣ случаевъ отношенія суть элементъ знанія явнымъ образомъ не первично данный, а *вторичный*, какъ бы *надстраивающійся* надъ первичными элементами *вслѣдъ* за апперцепированіемъ ихъ умомъ познающаго субъекта. Въ этомъ смыслѣ объ нихъ можно сказать, что они суть предметы „высшаго порядка“ (Gegenstände „höherer Ordnung“), [они суть „обоснованныя“ содержанія („fundierte“ Inhalte) ¹⁾. Такъ, чтобы замѣтить сходство между лицомъ двухъ членовъ семьи или, наоборотъ, чтобы усмотрѣть различіе между лицами двухъ близнецовъ, нужно иногда по нѣскольку разъ сопоставлять два образа, пока не придешь къ опредѣленному результату. Уже отсюда возникаетъ подозрѣніе, что эта надстройка надъ образами есть продуктъ сравнивающаго ума. Во-вторыхъ, это подозрѣніе еще болѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что *одинъ и тотъ же матеріалъ* мы можемъ разсматривать, какъ стоящій *то въ однихъ, то въ другихъ отношеніяхъ*, и эта измѣнчивость отношеній, повидимому, обусловлена самымъ познающимъ умомъ, комбинирующимъ объекты самыми разнообразными способами. „Положимъ,—говоритъ Липпсъ,—я вижу передъ собою множество звѣздъ на небѣ. Я выбираю изъ нихъ по произволу три или четыре, вообще сколько мнѣ угодно и какія угодно, и сочетаю ихъ или разсматриваю ихъ, какъ сопринадлежающія. Такимъ образомъ я превратилъ ихъ въ единство. Онѣ образуютъ теперь для меня фигуру или созвѣздіе“. „Конечно, онѣ составляютъ единство не сами по себѣ, а для меня. И для того, чтобы возникло такое единство, требуется только это производимое мною сочетаніе или собраніе въ единомъ актѣ апперцепціи“ ²⁾.

Въ особенности проблемы, кроющіяся въ понятіи числа,

¹⁾ Надобно, впрочемъ, замѣтить, что Липпсъ не употребляетъ этихъ выраженій, см. тамъ же, стр. 104с.

²⁾ Тамъ же, стр. 23.